

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЁВА «ПИСЬМО МОЛОДОГО КАЗАКА»

Е.А. Мурашова

Аннотация. Детализированное изучение экспликации субъекта в поле казачьего дискурса в целом и эпистолярного казачьего дискурса в частности в условиях современной глобализации отвечает потребностям сохранения национальной идентичности, культурной и языковой самоидентификации казачьего субэтноса. При этом открытой, а значит и актуальной, остается также проблема описания репрезентации прагматических значений речевых средств дискурса (речевых средств, эксплицирующих позиционирование субъекта по отношению к определенному факту действительности), а также развернутой интерпретации их текстовой реализации.

Иллюстрируется попытка лингвопрагматической интерпретации различных типов прагматических значений, объединенных одним текстовым пространством (рассказом И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»). Лингвопрагматическая интерпретация рассказа позволяет, изучив прагматические значения, актуализованные отправителем, и проанализировав специфику референциональных отношений, к которым восходят данные прагматические значения, проникнуть во внутренний мир отправителя, выявив доминанты субъективного и конвенционального оценивания им различных фрагментов действительности, и, значит, по-новому увидеть те системы, которые ранее исследовались преимущественно в рамках историко-культурологической, социокультурологической, лингвокультурологической и литературоведческой парадигм. Лингвопрагматическая интерпретация должна помочь осмыслить проблему прагматического значения с новых методологических позиций, что позволит оптимизировать дальнейшее исследование прагматического значения и вариантов его актуализации в лингвопрагматическом аспекте.

Представленная лингвопрагматическая интерпретация рассказа И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» на уровне анализа прагматических значений и, как следствие, на уровне субъектно-маркированных референций должна помочь решению проблемы уточнения и документального подтверждения особенностей содержательно-смыслового пространства текста, а также широкого лингвокультурологического контекста его создания.

Ключевые слова: прагматическое значение; лингвопрагматическая интерпретация; рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака».

Рассказ И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» [1] впервые был опубликован в 1925 г. в Берлине в четвертом номере журнала «Время». В качестве субъекта-отправителя формально выступает лирический герой. «Письмо» написано от имени донского казака И.Н. Думакова родителям, имеет традиционную эпистолярную форму (вступление, основная часть, заключение, есть даже дата и место напи-

сания – март 1925 г., Париж), насыщено казачьей лексикой и казачьими реалиями.

Анализируемый рассказ И.С. Шмелёва был сегментирован на актуализированные синтаксические единства. Актуализированное синтаксическое единство – простое предложение, часть сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, обособленный причастный или деепричастный оборот, обособленная инфинитивная группа, обращение. В качестве отдельных актуализированных синтаксических групп мы рассматриваем также однородные члены предложения и эллиптические (неполные) конструкции, которые могут быть восстановлены до полных простых предложений, частей сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. В каждом из выделенных синтаксических единств было зафиксировано наличие / отсутствие маркеров шести актуализированных субъектно маркированных референций (т.е. иницируемых отправителем соотнесенностей речевых единиц с объектами и субъектами реальной действительности, их качествами, действиями и т.д.): дейктической, оценочной, эмотивной, контактивной, регулятивной и квестивной.

Вначале проиллюстрируем актуализацию каждого вида референции отдельно. Начнем с дейктической референции.

Итак, в 417 актуализированных синтаксических единствах «Письма молодого казака» было зафиксировано 540 маркеров дейктической референции.

Наибольшее количество маркеров дейктической референции 248 (45,93%) относятся к персональному виду дейктической референции и, соответственно, указывают на активного субъекта, интерпретирующего действительность (отправителя письма), и объекты речевой деятельности, к которым обращается активный субъект с целью представления данной интерпретации получателю / получателям письма. Если принять за 100% общее количество маркеров персональной дейктической референции (248), то соотношение маркеров, указывающих на отправителя и получателей письма, выглядит следующим образом: отправитель письма – 177 маркеров (71,37%), получатели письма – 71 (28,63%). Такое распределение, как нам представляется, вполне оправдано спецификой жанра (письмо) и основными характеристиками коммуникативной ситуации (дистантное положение коммуникантов во времени и в пространстве инициирует такое состояние дел, когда отправитель вынужден писать о себе за неимением информации о получателях). Сам лирический герой (И.Н. Думаков) так характеризует ситуацию коммуникации:

Пример 1

Девятое письмо гоню. Что ж от вас позыва не слышу, досыла не получаю? [1. С. 3].

Интересно, что актуализируя маркеры персональной дейктической референции, отправитель регулярно подчеркивает собственную принадлежность к казачьему сообществу и позиционирует казачество как отдельный субэтнос в структуре российского общества (ср. позиционирование казачества как отдельного социального слоя в структуре российского общества [2. С. 25; 3–5]).

Пример 2

Кланяемся вам, бесценные родители, от бела лица до сырой земли. И так что извещаем. Молитвами вашими и благословением, как оглушали на бранный бой, жив ваш сын **Казацкий сокол** Иван Николаевич Думаков [1. С. 1].

Пример 3

Так что горюете по сыну вашему **молодому Казaku** Ивану Николаевичу Думакову, а я жив [Там же. С. 2].

Пример 4

А я молодой Казак, какую песню спою, и где моя шапка, и где мой Конь? [Там же. С. 3].

Пример 5

Нет теперь меня выше, хоть и сточили ноги! Не хуже другого **сын ваш молодой Казак**. Не утеряюсь в других народах, дождусь доли [Там же].

Пример 6

А теперь голову преклоню: благословите, родители, батюшка и матушка, меньшого **сына вашего молодого верного Казака** Ивана [Там же. С. 4].

Количество речевых средств (28), постулирующих принадлежность к казачьему сообществу, составляет 15,82% от общего числа речевых средств персональной дейктической референции, указывающих на отправителя.

Атмосфера соборности, принадлежности казака И.Н. Думакова к общине земляков-казачей подчеркивается многократной актуализацией личного местоимения первого лица множественного числа (*мы, нам*) и притяжательного местоимения первого лица множественного числа (*наш, наши*). Приведем примеры.

Пример 7

Лети мое письмо еропланом-птицей сквозь всю Европу и Германию, прямо на Тихий Дон, в **наше** место, в Большие Куты, на Семей Проулок на уголок, под кривой явор, в родительское гнездо, к дорогим и бесценным родителям старому казаку Николаю Ористерховичу Думакову и родительнице **нашей** Настасье Митревне в руки [Там же. С. 1].

Пример 8

Знато **нам**, которые здесь ушедчи, с Барыкиных Хуторов, и с Каменного Намета, и с Власьевской, и с Гусятинской, и сокруг места

нашего, которые спят Казаки, опрокинув голову, вольной-невольной смертью [1. С. 1].

Пример 9

Слышно **нам**, как Соломатова Кузьму моего поручного Первой Сотни взяли на казнь расстрела [Там же].

Пример 10

Память их пройдет по Казацкой Земле до моря и даже за море к **нам** дошедчи [Там же. С. 2].

Пример 11

Никто не понимает **нашего** Казацкого языка [Там же].

Пример 12

Пропала моя Казацкая, утопил ее, в море скинул, как потчевал **нас** на чужом корабле красным вином французским. Не в чужом море кинул, в **нашем** Черном, как мое горе [Там же].

Пример 13

Да встало мне: а кто ж за все, за кровь **нашу**, за Степь горевую **нашу**, за Коня, боевого друга, за ваши горя, родители мои, ответа требует? [Там же]

Пример 14

Был я в городе Париж, высокая каланча железная, подает радио, телеграф во все страны, до **нашего** Дона [Там же. С. 3].

Пример 15

Поклонитесь от меня Крестам на погосте, вербам, дорогам, Большим Кутам и Св. Кресту Господню на Храме **нашем**, и всем родным, вживе которые остались, молодого Казака не забыли [Там же. С. 4].

Отметим, что в десяти актуализированных синтаксических группах отправитель письма прямо или косвенно постулирует собственную принадлежность к донскому казачьему сообществу:

Пример 16

Лети мое письмо еропланом-птицей сквозь всю Европу и Германию, прямо на **Тихий Дон**, в наше место, в Большие Куты, на Семей Проулок на уголок, под кривой явор, в родительское гнездо, к дорогим и бесценным родителям старому казаку Николаю Ористарховичу Думакову и родительнице нашей Настасье Митревне в руки [Там же. С. 1].

Пример 17

Аль уж и **Тихий Дон** не текет, и ветер не несет, летняя птица не прокричит? [Там же].

Пример 18

Ворочусь на Родину, на **Тихий Дон**, на Казацкую Волю новую! [Там же. С. 2].

Пример 19

Был я в городе Париж, высокая каланча железная, подает радио, телеграф во все страны, до **нашего Дона** [Там же. С. 3].

Пример 20

Споминал, как сказывали старину, как ваш Дед славный Казак Ористарх Думаков гулял в городе том Париже, Конем своим с **Дону** травы чужие мял, из реки ихней Коня своего поил водой темной, в бубен трепал, спал под чужим небом, под звездами Французскими! [1. С. 3].

Пример 21

Плясал трепака с ихнего вина сладкого, шапкой землю трепал Казацкой, бодал сапогом кованым, гремел лихью, с песней прошел Казацкой от **Тихого Дону** до ихнего Парижа! [Там же].

Пример 22

Лети, мое письмо, еропланом-птицей на **Тихой Дон**, к старому Казаку родителю Николаю Ористарховичу Думакову в руки, родительнице нашей Настасье Митревне на сердце! [Там же. С. 4].

Пример 23

Едет нарочный человек, стрелит стрелою на **Тихой Дон** [Там же].

Пример 24

Поклоны мои земные дайте Земле Казацкой, **Донскому Войску**, Батюшке **Дону Тихому**, солнцу красному, месячку ясному, Степи широкой [Там же].

Показатель актуализации личного местоимения и притяжательного местоимения первого лица множественного числа – 20 (11,3% от общего числа речевых средств персональной дейктической референции, указывающих на отправителя). Такой высокий показатель подтверждает тот факт, что горизонтальные связи в казачьем сообществе поддерживаются не только на уровне социальных и религиозных институтов [2], но и на уровне конвенционально и индивидуально обусловленного речевого поведения отдельных его представителей. Обозначение себя как части общины (с помощью личных и притяжательных местоимений первого лица множественного числа), доведенное до автоматизма (11,3% от общего числа речевых средств персональной дейктической референции, указывающих на отправителя), соответствует высокому уровню внутригрупповой казачьей солидарности, побратимства, коллективной (общинной) судьбы и ответственности, ставшими основными принципами формирования и функционирования казачьих сообществ в XVIII–XIX вв.

Показательным на таком фоне является эпизод трагической потери казачьей шапки.

Пример 25

Но не печальтесь. Я стою во весь рост, шапка только на мне чужая, шляпа мятая, а не шапка наша. **Пропала** моя Казацкая, **утопил** ее, в море **скинул**, как потчевал нас на чужом корабле красным вином французским. Не в чужом море кинул, в нашем Черном, как мое горе. Плыви – тони! [1. С. 2].

Для казака казачья шапка – символ общинной доли [2. С. 37]. Ее утрата – позор, нарушение неприкосновенных устоев казачьего сообщества, потеря связи с ним.

Столь же символично отождествление отправителем себя с образом сокола (см. *пример 26*). Сокол в казачьей мифологии – существо, связанное с «древом жизни», с корабельной мачтой, с металлом и оружием, с кровью и миром умерших. Нереализованная воля сокола (здесь казака И.Н. Думакова) стремится вернуться в общую долю оставленного им рода [Там же. С. 43].

На втором месте по количеству маркеров находится темпоральная дейктическая референция (174 маркеров темпоральной дейктической референции (32,22% от общего числа маркеров дейктической референции)). При этом 86 маркеров (49,42% от числа маркеров темпоральной дейктической референции) указывают непосредственно на темпоральное позиционирование активного коммуницирующего субъекта. Например, в следующих отрывках:

Пример 26

Кланяемся вам, бесценные родители, от бела лица до сырой земли. И так что **извещаем**. Молитвами вашими и благословением, как оглушали на бранный бой, **жив** ваш сын *Казацкий сокол* Иван Николаевич Думаков [1. С. 1].

Пример 27

Так что горюете по сыну вашему молодому Казаку Ивану Николаевичу Думакову, а я **жив**. **Гляжу** на вашу сторону. Как ветер на вас дует, **гляжу** – **сторожу** [Там же. С. 2].

Пример 28

Воду **ношу**, железо **кую** чужое. Уголь **копал**, камень **бил** по балканским горам-лесам, проволоку **сдирал** Французскую, кровию белы руки плачуть [Там же. С. 3].

Пример 29

Приду – **выпью**, пьян **напьюсь** с ее дочума, **разыму** глаза, голову **кину** прочь, чтобы не мешали думки [Там же].

Распределение дейктической референции по временной оси выглядит следующим образом: субъект-субъектная временная дейктическая референция: настоящее – 39, будущее – 22, прошедшее время – 25; субъект-объектная временная дейктическая референция: настоящее – 42, будущее – 9, прошедшее время – 37; средние показатели временной дейктической референции: настоящее – 81 (46,55%), будущее – 31 (17,82%), прошедшее время – 62 (35,63%). Это означает, что коммуникативная деятельность субъекта направлена, в первую очередь, на осмысление сиюминутного положения вещей, во вторую, – на переживание прошлого, и относительно редко – на осознание будущего.

По результатам частотного анализа локальная дейктическая референция находится на третьем месте (118 актуализированных маркеров локальной дейктической референции (21,85% от их общего числа)).

В письме автор актуализирует дейктические маркеры, указывающие на его собственное реальное или желаемое местоположение относительно получателей 38 раз (32,2% от общего числа маркеров локальной дейктической референции). Например:

Пример 30

От сына вашего меньшого, молодого Казака Первой Сотни Первого-Линейного Захоперского Полку, Ивана Николаевича Думакова, с дальней стороны, из-под городу Рван, с железного завода, называется **Французская Республика** [1. С. 1].

Пример 31

Здесь и одной голове тесно, и глядеть не родимым очам, а как пришельные [Там же. С. 2].

Пример 32

Ворочусь **на Родину, на Тихий Дон, на Казацкую Волю** новую! [Там же].

Пример 33

Был я в городе **Париж**, высокая каланча железная, подает радио, телеграф во все страны, до нашего Дона [Там же. С. 3].

При этом лирический герой приблизительно одинаково часто позиционирует свое реальное местоположение на чужбине (20 (52,63%)) и желаемое на родине (18 (47,37%)).

Здесь судьба И.Н. Думакова предстает в традициях казачьих легенд о прародителях-изгоях («проштрафившихся»), оторванных от Родины, скитающихся по морям и преодолевающих череду испытаний, чтобы очиститься, обязательно вернуться и с честью служить Родине [2. С. 42].

Далее мы проанализировали актуализацию аксиологических оценочных референций. Всего было зафиксировано 213 маркеров актуализации аксиологических референций.

Реакции отправителя были разделены нами по их основанию: на общеоценочные – 138 (64,79%), интеллектуальные – 5 (2,35%), эстетические – 24 (11,27%), этические – 19 (8,92%) и практические – 27 (12,67%).

Приведем примеры. Общеоценочные аксиологические референции:

Пример 34

И стою на посту-дозору, хочь и давно пику перворядную сломило не стыдным ветром, а **безвинным горем** [1. С. 1].

Пример 35

Гуляет его душа по **родной** Степи, не на **чужих** лугах **иностранных**. Здесь и одной голове **тесно**, и глядеть не **родимым** очам, а как **пришельные** [1. С. 2].

Пример 36

Поклоны мои земные **друзьям-братьям**, **злою неволею** погибшим, кому могилы не далеко, а пылью-прахом неведомо где ложатся [Там же. С. 4].

Интеллектуальные референции:

Пример 37

И будто бывал уж по тем местам, **знато** мне то место, с чего? [Там же. С. 3].

Пример 38

Приду – выпью, пьян напьюсь с ее **дочума**, разыму глаза, голову кину прочь, чтобы не мешали **думки**. Я теперь прямо гляжу на свет через многие страны, через всякие народы вижу. Всего вижу, всего я **знаю** [Там же].

Эстетические референции:

Пример 39

А вы мне собирались сватать, то та **краса** пропащая стала Ксютка Акимкина, старого Кондрата дочка, ушла без чести, как сучонка за шматок сала, за ихним комиссаром безо всякой веры [Там же. С. 2].

Пример 40

Пал мой **Голубенок серолобастый**, шелкова **шерстка**, белы **ножки**, **крапина** на груди **как перцем** [Там же].

Пример 41

Плясал трепака с ихнего вина **сладкого**, шапкой землю трепал Казацкой, бодал сапогом кованым, гремел лихью, с песней прошел Казацкой от Тихого Дону до ихнего Парижа! [Там же. С. 3].

Этические референции:

Пример 42

Но не убивайтесь про меня, родители, **не стыдитесь** сына вашего Ивана Николаевича Думакова, 27 лет [Там же. С. 1].

Пример 43

И еще Мишке Веткину, и Конону Синь-Носу с Глинищенской, и всем Глазунам за семенной **произвол** за чего восставали **гордо!** [Там же].

Пример 44

А вы мне собирались сватать, то та краса **пропащая** стала Ксютка Акимкина, старого Кондрата дочка, ушла **без чести**, как сучонка за шматок сала, за ихним комиссаром **безо всякой веры** [Там же. С. 2].

Практические референции:

Пример 45

И которые живут под ветром чужих государств, покрыты **нуждой** и славой заместо родимой доли. Горе и **нужда** как чирый спадет, а слава, как каленое тавро, железом выжгена на груди до смерти [1. С. 1].

Пример 46

Ух, не печалуйтесь, не жгите глаза слезами, содержите **бережно** до сына вашего молодого Казака [Там же. С. 2].

Пример 47

Не хуже другого сын ваш молодой Казак [Там же. С. 3].

Из 213 (100%) актуализированных маркеров аксиологической оценочной референции 43 (20,19%) выражают ценностное отношение отправителя к самому себе (субъект-субъектная аксиологическая референция) и 170 (79,81%) – отношение отправителя к другим объектам или фактам действительности. В связи с этим представляется возможным говорить о социальной (неэгоцентрической) направленности аксиологического оценивания действительности автором письма.

Подтипом оценочной референции является эпистемическая оценочная референция. Проанализировав актуализацию маркеров данного подтипа в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака», мы выяснили следующее.

Субъект-отправитель оценивает изображаемые им факты действительности как достоверные в 225 случаях (75,76% от общего числа маркеров эпистемической референции), как недостоверные – в 26 (8,75% от общего числа маркеров эпистемической референции) и как проблемно достоверные – в 46 случаях (15,49% от общего числа маркеров эпистемической референции), в том числе как предположительно достоверные – в 31 случае, предположительно недостоверные – в 6, предположительно возможные – в 9.

Эпистемическая референция достоверности реализуется в таких отрывках, как:

Пример 48

Молитвами вашими и благословением, как оглушали на бранный бой, **жив** ваш сын Казацкий сокол Иван Николаевич Думаков [Там же. С. 1].

Пример 49

Слово ваше **сберег** до сердца Казацкого, как Крест благословления [Там же. С. 2].

Примерами эпистемической референции недостоверности являются следующие:

Пример 50

А никто не слышит. Никто не понимает нашего Казацкого языку [Там же].

Пример 51

Поклоны мои земные друзьям-братьям, злою неволею погибшим, кому могилы **не далеко**, а пылью-прахом **неведомо** где ложатся [1. С. 4].

Проблемная достоверность имеет место в нижеприведенных примерах.

Пример 52

Зачего вы молчите не говорите, как в земле лежите? **Аль уж** и Тихий Дон **не текет**, и ветер **не несет**, летняя птица **не прокричит**? **Не может этого быть**, сердце мое не чует [Там же. С. 1].

Пример 53

И **будто бывал** уж по тем местам, знато мне то место, с чего? [Там же. С. 3].

При этом выражение индивидуальных установок к степени вероятности различных фактов действительности, напрямую связанных с самим субъектом (субъект-субъектная эпистемическая референция), происходит почти в два раза реже, чем выражение установок отправителя к степени вероятности не связанных с ним напрямую фактов действительности (субъект-объектная эпистемическая референция) (ср. показатели актуализации субъект-субъектной эпистемической референции – 110 (37,04%), показатели актуализации субъект-объектной эпистемической референции – 187 (62,96%)).

В тексте нами зафиксированы также 123 маркера эмотивной референции. Приведем примеры:

Пример 54

И вот утирайте **слезы**, не попинайте, Коня вашего вспоминайте, а моего друга Голубенка! [Там же. С. 2].

Пример 55

Глаза завязал ему, в губы **поцеловал**, **слезами обмыл** на смерть [Там же].

Пример 56

Ух, не печалуйтесь, не жгите глаза слезами, содержите бережно до сына вашего молодого Казака [Там же].

Пример 57

Ох, родимые... **стуканула** та пуля в мое сердце, **пьяным напоила** безвинно, дождала вторая верного места [Там же].

Пример 58

Пойдет моя пуля за реку, пробьет моя пуля **стервятнику!** [Там же].

Пример 59

Большой город, **веселый**, бульвары и памятники на каждом рынке [Там же. С. 3].

Пример 60

Ух, горем своим напился, слезой умылся, кулаками утерся до-суха [1. С. 3].

Пример 61

До радостного свиданьица!.. [Там же. С. 4]

Отметим, что эмоциональное или психическое состояние субъекта отправителя (субъект-субъектная эмотивная референция) эксплицируется в 24 случаях (19,51% от общего числа маркеров эмотивной референции). Эмоциональное или психологическое состояние партнеров коммуникации (субъект-объектная эмотивная референция) – в 99 случаях (80,49% от общего числа маркеров эмотивной референции). При этом в 25 случаях (20,33% от общего числа маркеров эмотивной референции) отправитель симпатизирует тому, о чем сообщает, и в 98 случаях (79,67% от общего числа маркеров эмотивной референции) эксплицирует собственную антипатию по отношению к сообщаемому.

Контактивные референции актуализируются в «Письме молодого казака» 87 раз, при этом указание на активный субъект содержится в 18 синтаксических группах, не содержится – в 69. Соответственно, соотношение субъект-субъектной и субъект-объектной контактивных референций выглядит следующим образом: 20,69% и 79,31%.

Приведем примеры.

Пример 62

Кланяемся вам, бесценные родители, от бела лица до сырой земли.

И так что **извещаем** [1. С. 1].

Пример 63

Отпишите мне скорей на девятое мое **письмо**, которое с голубыми марками, ихняя женщина сеет, как требует казенная хворма Французской Республики [Там же].

Пример 64

Слышно нам, как Соломатова Кузьму моего поручного Первой Сотни взяли на казнь расстрела [Там же].

Пример 65

Девятое **письмо гоню**. Что ж от вас **позыва** не слышу, досыла **не получаю**? Скрозь землю **отзовитесь**, шупотком **скажите**, – травой **услышу!** **Голос подайте мне – и вот и я!..** [Там же. С. 3]

Пример 66

А вам **в ноги припадаю, родители** мои старые, горевые, **батьюшка и матушка. Не печальтесь, не плачьте**, жив [Там же. С. 4].

Отправитель призывает к установлению контакта в 28 синтаксических группах (32,18% от числа всех актуализированных контактивов). Такой высокий процент объясняется долгим отсутствием писем со

стороны адресатов и стремлением отправителя инициировать обоюдную коммуникацию (получить от родителей известие).

Исследовав регулятивные референции, мы выяснили, что показатель их актуализации в анализируемом рассказе – 47 единиц. Процент актуализации субъект-субъектных регулятивных референций, т.е. референций, маркирующих необходимость выполнения действия самим отправителем, равняется трем (6,38% от общего числа маркеров регулятивных референций). Соответственно субъект-объектные регулятивные референции актуализируются 44 раза (93,63% от общего числа маркеров регулятивных референций). Чаще всего регулятивные референции актуализируются с помощью глаголов в форме побудительного наклонения – 36 раз (76,6% от общего числа маркеров регулятивных референций). Проиллюстрируем актуализацию регулятивных референций примерами.

Пример 67

Родитель наш дорогой, Николай Ористархыч. В девятое письмо пишу, а вы **утирайте** слезы [1. С. 2].

Пример 68

Слово ваше сберег до сердца Казацкого, как Крест благословления. И вот **утирайте** слезы, **не поминайте**, Коня вашего **споминайте**, а моего друга Голубенка! [Там же].

Пример 69

Голос **подайте** мне – и вот и я!.. [Там же. С. 3].

Пример 70

А вы **дождитесь**. В думку ему **вложите** [Там же. С. 4].

Пример 71

Поклонитесь от меня Крестам на погосте, вербам, дорогам, Большим Кутам и Св. Кресту Господню на Храме нашем, и всем родным, вживе которые остались, молодого Казака не забыли [Там же].

Квестивные референции актуализируются 32 раза, при этом в 7 случаях пополнение объема наличествующей информации инициируется со стороны самого отправителя (показатель актуализации субъект-субъектной квестивной референции – 7 (21,87% от общего числа маркеров квестивной референции)), в 25 случаях – со стороны партнеров по коммуникации (показатель актуализации субъект-объектной квестивной референции – 25 (78,13% от общего числа маркеров квестивной референции)). Приведем примеры актуализации квестивной референции.

Пример 72

Зачего вы молчите не говорите, как в земле лежите? **Аль** уж и Тихий Дон не текет, и ветер не несет, летняя птица не прокричит? [Там же. С. 1].

Пример 73

Да встало мне: а **кто** ж за все, за кровь нашу, за Степь горевую нашу, за Коня, боевого друга, за ваши горя, родители мои, ответа требует? [1. С. 2].

Пример 74

И будто бывал уж по тем местам, знато мне то место, **с чего?** [Там же. С. 3].

Пример 75

А я молодой Казак, **какую** песню спою, и **где** моя шапка, и где мой Конь? [Там же].

Пример 76

Что ж от вас позыва не слышу, досыла не получаю? [1. С. 3].

Проиллюстрировав актуализацию различных типов референции, представим их средние показатели в табл. 1 и на диаграмме (рис. 1).

В соответствии с данными табл. 1 и рис. 1, первое место в иерархии актуализации занимают дейктические референции (40,33%), второе – оценочные (38,09%), третье – эмотивные (9,19%), четвертое – контактивные (6,49%), пятое – регулятивные (3,51%) и шестое – квестивные референции (2,39%).

Показатель актуализации субъектно маркированных референций в рассказе И.С. Шмелёва равен 3,21 (ср. 1 339 маркеров актуализации референций и 417 актуализированных синтаксических групп).

Таблица 1

**Актуализация субъектно маркированных референций
в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»**

Показатель актуализации \ Вид субъектно маркированной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактивная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
Субъект-субъектная референция	177	38	86	43	110	24	18	3	7	506 (37,79%)
Субъект-объектная референция	71	80	88	170	187	99	69	44	25	833 (62,21%)
Субъект-объектная + субъект-субъектная референция	248	118	174	213	297	123	87	47	32	1339
Средний показатель	540 (40,33%)			510 (38,09%)		123 (9,19%)	87 (6,49%)	47 (3,51%)	32 (2,39%)	1 339 (100%)

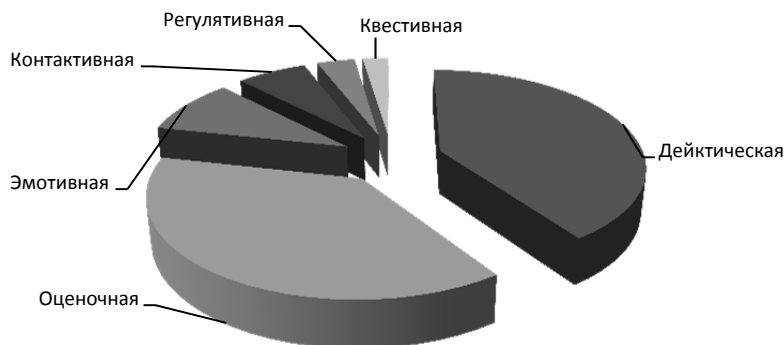


Рис. 1. Субъектно маркированные референции в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»

Интересно, что в отличие от текстов ядерной части эпистолярного казачьего дискурса, в анализируемом рассказе показатель актуализации субъект-субъектных референций (37,79%) значительно ниже показателя актуализации субъект-объектных референций (62,21%). Это эксплицирует низкий уровень прагматической активности отправителя, его стремление к объективизации изображаемого.

Если исходить из того, что субъект-субъектные референции реализуются в виде прагматических значений единиц речи, то иерархия прагматических значений в анализируемом рассказе выглядит следующим образом (табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

**Субъект-субъектные референции (прагматические значения)
в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»**

Вид модальной референции	Дейктическая			Оценочная		Эмотивная	Контактная	Регулятивная	Квестивная	Всего
	персональная	локальная	темпоральная	аксиологическая	эпистемическая					
Показатель актуализации										
Субъект- субъектная референция	177	38	86	43	110	24	18	3	7	506
	301 (59,49%)			153 (30,24%)		(4,74%)	(3,56%)	(0,59%)	(1,38%)	(100%)

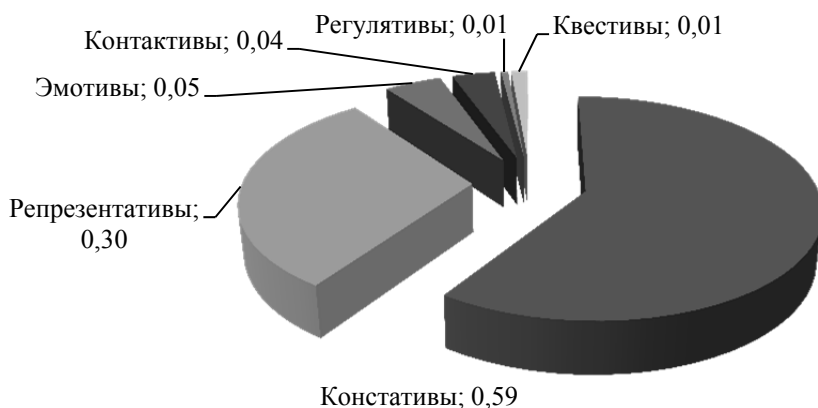


Рис. 2. Прагматические значения (субъект-субъектные референции) в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака»

Если сравнить данные показатели с результатами экспертного анализа [6. С. 14–21], то можно отметить совпадение основных тенденций в актуализации прагматических значений: на первом месте находятся констати́вы, на шестом – квестивы. Это подтверждает удачность мистификации И.С. Шмелёва, создавшего произведение, отвечающее общим прагматическим тенденциям эпистолярного казачьего дискурса.

Отметим, что в актуализации прагматических значений в «Письме молодого казака» есть и отличия. Так, на втором месте находятся репрезентативы (30,24%), на третьем – эмотивы (4,74%), на четвертом – контактивы (3,56%), на пятом – регулятивы (0,59%). При этом процентные показатели актуализации эмотивов и контактивов сравнительно близки. Отличия в актуализации прагматических значений в проанализированных выше казачьих письмах и в рассказе И.С. Шмелёва объясняются, во-первых, небольшим объемом произведения, во-вторых, особенностями речевого опыта автора (он не является казаком, а лишь пишет от лица казака).

Коэффициент актуализации прагматических значений в анализируемом рассказе равен 1,21 (на 417 синтаксических групп приходится 506 актуализированных прагматических значений, восходящих к субъект-субъектным референциям). Это подтверждает наблюдение, высказанное раньше [6. С. 14–21], что прагматические значения различных типов (но связанные генетически и обладающие функциональным сходством) могут выражаться одними и теми же речевыми средствами.

Обобщив данные интерпретации актуализированных прагматических значений, можно сделать следующие выводы.

Прагматический фон рассказа И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» представляет собой негомогенное градуированное образование.

Обращаясь к получателям письма, лирический герой (И.Н. Думаков) позиционирует себя как активный субъект, интерпретирующий действительность. При этом регулярно актуализируются речевые средства, маркирующие акцентированную отправителем внутригрупповую солидарность, общинность казачьего сообщества (существительное *казак*, прилагательное *казачий*, личные и притяжательные местоимения первого лица множественного числа, актуализованные для обозначения отправителя).

Речевая деятельность отправителя характеризуется регулярным осмыслением настоящего и частым обращением в прошлое.

Лирический герой позиционирует свое настоящее за рубежом, но будущее не мыслит без Родины. И.Н. Думаков характеризует ситуацию действительности как достоверную, но нежелательную, вызывающую устойчивую антипатию.

Субъект-отправитель стремится инициировать двустороннюю коммуникацию, побуждает получателей к ответным действиям, как речевым (ответить на вопрос), так и неречевым (предать поклоны родственникам и знакомым и т.д.).

Приведенные выше выводы интерпретации прагматических значений в рассказе И.С. Шмелёва «Письмо молодого казака» означают, что использование лингвопрагматического подхода способствует изучению механизмов функционирования прагматического значения в неразрывном единстве с основаниями его актуализации (референционными основами), а также экстралингвистическими феноменами, обусловленными ситуацией коммуникации и особенностями познавательно-мыслительной деятельности коммуникантов.

Литература

1. **Шмелёв И.С.** Письмо молодого казака // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русская книга, 2001. Т. 2. URL: <http://fstanitsa.ru/category/menyu/kultura/pismo-molodogo-kazaka-shmelev-novye-rasskazy-o-rossii>
2. **Рыблова М.А.** Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. : ВГМУ, 2009. 51 с.
3. **Ермакова Л.Р.** Глуттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультуры) : дис. ... канд. филол. наук. Белгород : БелГУ, 2011. 236 с.
4. **Капля О.В.** Исторический фольклор в культуре донского казачества : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград : ВГМУ, 2011. 204 с.
5. **Рунаев Р.Ю.** Казаки как культурно-историческая группа : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Волгоград : ВГМУ, 2011. 25 с.
6. **Горло Е.А.** Опыт эмпирического анализа прагматического значения // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. Вып. 1. С. 14–21.

THE REPRESENTATION OF THE PRAGMATICAL MEANINGS IN THE SHORT NOVEL OF IVAN SERGEYEVICH SHMELYOV "THE LETTER OF THE YOUNG COSSACK"

Murashova E.A. Department of German and French, Faculty of Foreign Languages, Taganrog Institute (branch) of The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Rostov State University of Economics" (Taganrog, Russian Federation). E-mail: shenetschka@rambler.ru

Abstract. The comprehensive study of subject's explication in the field of the Cossack discourse on the whole and epistolary Cossack discourse in particular to meet the needs to preserve the national identity, the cultural and language self-identification of the Cossack ethnos at this conjuncture of the modern globalization. At the same time the problem of the detailed description of the representation of the pragmatically meanings of the speech instruments and the comprehensive interpretation their textual realization remains overt and consequently of current importance.

In the presented paper the attempt of the linguopragmatical interpretation of the different types of the pragmatically meanings, which are united of the unified textual area, is illustrated on the short novel of Ivan Sergeyevich Shmelyov "The letter of the young Cossack".

The linguopragmatical interpretation of the novel "The letter of the young Cossack" have to help to solve a problem of the more precise and documentary evidence of the peculiarities of the substantial and semantic textual area as well as of the wide linguocultural context of his creation.

Keywords: pragmatical meaning; linguopragmatical interpretation; the short novel of Ivan Sergeyevich Shmelyov "The letter of the young Cossack".